

Глава 84. Ваш покорный слуга может

—

V.

Гу Сьюань мельком взглянул на его одежду и равнодушно произнес:

— Накидка на плечах Вашего Высочества кажется мне смутно знакомой?

Это определенно была та самая вещь, которую он набросил на плечи принца в прошлый раз, заметив, что тот замерз.

Се Сюань захлопал ресницами с видом полнейшей невинности и лучезарно улыбнулся:

— Неужели? Я нашел её в саду. Выглядела неплохо, вот я и решил её примерить.

— ... — Гу Сьюань.

Умение этого человека лгать в глаза достигло поистине заоблачных высот.

Генерал слегка приподнял густую бровь и с едва заметной усмешкой добавил:

— Поместье Шестого принца и впрямь благословенное место с прекрасным фэншуй, раз здесь можно вот так запросто подобрать на земле подобные вещи.

Се Сюань, продолжая улыбаться, ответил:

— Генерал Гу находит эту одежду достойной? Что ж, я придерживаюсь того же мнения...

Сказав это, он не ограничился словами: он склонил голову, приюхиваясь к ткани, а затем провел по ней своими тонкими, белыми, словно холодный нефрит, пальцами. Его движения были мягкими и нежными, полными затаенной нежности — трудно было понять, ласкает ли он ткань или через неё касается самого владельца.

Кажется, он вошел во вкус.

Гу Сьюань насмешливо фыркнул:

— Ваше Высочество на редкость бережливы в ведении хозяйства, раз не брезгуете носить то, что нашли на улице.

— Бережливость — это похвально, — Се Сюань подпер подбородок изящной кистью и подмигнул ему. — Но к чему тут «ведение хозяйства»? Генерал Гу... чьим хозяйством вы предлагаете мне заняться?

Гу Сьюань пристально смотрел в его лукавые прекрасные глаза, затем перевел взгляд на запястье, чистое и белое, как драгоценный нефрит. Оно так вызывающе мелькало перед глазами, что его хотелось то ли сжать в ладони и долго ласкать, то ли сломать одним резким движением.

Спустя мгновение он взял себя в руки. Не намереваясь больше слушать этот вздор, Гу Сьюань резко протянул руку, ухватился за накидку и одним рывком притянул её к себе вместе с обладателем.

— Пожалуй, моим, из рода Гу. Ведь на подоле этой накидки четко вышито имя «Гу».

Договорив, он опустил ледяной взгляд вниз.

Се Сюань, застигнутый врасплох, повалился прямо ему на колени. Пойманный на лжи, он ничуть не смутился, а напротив — сложил ладони под подбородком и, уютно устроившись на коленях генерала, задрал голову, продолжая подначивать:

— Как же я могу заправлять в доме генерала Гу? Разве это не обязанность супруги генерала?.. Ах, простите, я совсем забыл. Генерал Гу в прошлый раз клятвенно заверял, что не намерен жениться, да еще так деспотично запретил вступать в брак мне. Неужели... генерал с самого начала имел это в виду?

Гу Сюань опустил глаза на человека, лежащего у него на коленях. Он протянул руку и слегка сжал эти алые, не умолкающие ни на миг губы. Его взгляд стал пугающе глубоким, а голос — еще ниже:

— Тебе лучше замолчать. Иначе, боюсь, Ваше Высочество на собственном опыте узнает, что такое истинный деспотизм и «посягательство на достоинство принца».

— ... — Се Сюань, кажется, осознал, что зашел слишком далеко. Он кокетливо высунул кончик алого языка и заискивающе улыбнулся: — Это всего лишь шутка. Генерал Гу такой мелочный... Раз уж вам так жалко накидку, я верну её, и дело с концом.

Се Сюань говорил бойко и тут же потянулся к завязкам. Однако, как только его белые пальцы коснулись тесемок у воротника, движения заметно замедлились. Он неспешно развязывал узел, но — о какая случайность! — «нечаянно» задел ворот нижнего платья, и взору мгновенно открылись изящные белые ключицы.

Но Се Сюань, словно не замечая этого, продолжал снимать накидку, удерживая её парой тонких пальцев:

— Вот, возвращаю генералу Гу.

Черные волосы рассыпались по плечам, кожа в лунном свете казалась почти прозрачной. В этот миг он был похож на демонического обольстителя.

Гу Сюань прищурился. Забирая одежду, он крепко перехватил запястье принца. В следующий миг его ладонь медленно двинулась к воротнику, почти касаясь нежных ключиц и полоски гладкой белой кожи.

Но затем рука Гу Сюаня резко изменила траекторию: он потянул воротник вверх, плотнее запахивая платье, снова набросил на принца накидку и тщательно завязал тесемки.

— Не паясничай, — произнес он со всей серьезностью. — Если заболеешь, горькое лекарство пить придется тебе, а не мне.

— ... — Се Сюань. Весь романтический настрой мгновенно улетучился.

Он плотнее запахнул, закрывая шею до самого подбородка. Спустя мгновение Се Сюань посмотрел на Гу Сюаня и с иронией заметил:

— Не зря говорят, что у генерала Гу каменное сердце. Перед лицом такой красоты он остается

непоколебим.

Гу Сьюань приподнял бровь и невозмутимо ответил:

— А почему Ваше Высочество не допускает мысли, что представшая перед моим взором красота... просто недостаточно хороша?

— ... — Се Сюань.

«Что ты имеешь в виду?!»

За всю свою жизнь он слышал в свой адрес любые оскорбления, но никто и никогда не смел называть его уродом. Се Сюань схватил со стола пирожное и с силой откусил огромный кусок, словно вымещая на нем всю обиду.

Глядя на этот надутый и рассерженный вид, Гу Сьюань мысленно усмехнулся, но внешне остался бесстрастен. Он взял принца за тонкое, хрупкое запястье: пульс был слабым, но уже заметно лучше, чем раньше.

— Похоже, лекарство в эти дни ты пил исправно.

При упоминании об этом Се Сюань снова разозлился и пробурчал с набитым ртом:

— Что это за снадобья? Горькие до смерти!

Гу Сьюань холодно хмыкнул:

— Лекарства, что Ваше Высочество пило раньше, не были горькими. Но был ли от них толк?

Се Сюань умолк, признавая, что в последнее время и впрямь чувствует себя лучше. После того как в саду дворца Ниншугун Гу Сьюань проверил его пульс, на следующий день он прислал рецепт, утверждая, что это поможет и лекарство нужно пить ежедневно.

Се Сюань пил снадобья с тех пор, как научился держать ложку, и каждый год постоянно прихворал. Это была врожденная слабость, которую не могли излечить лучшие лекари империи, и он давно потерял надежду. Однако познания Гу Сьюаня в медицине пробудили в нем интерес, и он почему-то верил, что генерал никогда ему не навредит. Поэтому он тайно заказывал лекарства в городе и пил их какое-то время. К своему удивлению, он действительно стал чувствовать себя бодрее. Хоть руки и ноги всё еще оставались холодными, он наконец-то начал крепко спать по ночам.

Се Сюань посмотрел на спутника и пытливо спросил:

— Я и не чаял, что искусство генерала Гу окажется куда выше, чем у придворных врачей.

Гу Сьюань резко взял его за подбородок, заставляя встретиться взглядом со своими лукавыми глазами, и небрежно бросил:

— Раз Ваше Высочество заказывало лекарства вне дворца, неужели вы не догадались показать рецепт знающему человеку? Разве не понятно, что это средство от яда?

У Се Сюаня была вовсе не болезнь, а отравление. Яд был слабым, он не убивал сразу, но годами истощал тело, капля за каплей разрушая здоровье. Лекари в столице не то чтобы не могли его вылечить — они просто не смели этого делать.

Ночной ветер ворвался в окно, заставляя пряди черных волос щекотать щеки. Се Сюань заправил волосы за ухо и ласково потерся подбородком о широкую ладонь Гу Сыюаня, мягко улыбаясь:

— Ой, генерал Гу такой серьезный. Я просто хотел воспользоваться случаем и похвалить вас.

Лицо Гу Сыюаня не дрогнуло. Он медленно накрыл ладонью прекрасные глаза принца и сухо произнес:

— Перестань улыбаться. Смотреть противно.

— Ну хорошо.

Се Сюань не обиделся, но и впрямь перестал улыбаться. Он замер, став похожим на безжизненную, но прекрасную фарфоровую куклу.

Однако в следующий миг оцепенение исчезло: почувствовав сильный рывок, принц оторвался от пола и оказался на теплых бедрах генерала. Гу Сыюань обнял его и указал на стол:

— Чем ты занимался до моего прихода?

Се Сюань изо всех сил старался игнорировать двусмысленность их позы. Надув щеки, он ответил:

— Скоро день рождения бабушки, я готовлю подарок.

— И что это за подарок? — мельком поинтересовался Гу Сыюань.

— Собственноручно написанная картина «Маньшоуту» (Картина десяти тысяч долголетья).

Гу Сыюань приподнял бровь:

— Просто десять тысяч иероглифов «долголетие»? Как неоригинально.

Се Сюань обиженно выпятил губу:

— Это у меня-то нет фантазии? Неужто у тебя, вояки, идей больше?

Гу Сыюань взглянул на него с насмешкой:

— Ваше Высочество пытается меня спровоцировать?

Принц отвел взгляд и высокомерно бросил:

— Хм, больно надо.

Внезапно Гу Сыюань поднялся и властно скомандовал:

— Подай кисть и тушь.

— ... — Се Сюань.

«Надо же, какой заносчивый».

Он, настоящий принц по крови, внезапно превратился в прислужника.

Пока всё готовилось к письму, Се Сюань в душе всюду ругал себя за бесхарактерность. Подумать только: обычно его самого обслуживают десятки слуг, а тут он собственноручно прислуживает этому ледяному мужлану.

Гу Сыюань не обращал внимания на хаотичные мысли капризного принца. Он взял кисть, замер на мгновение, собираясь с духом, и на бумаге медленно проступили первые иероглифы.

Он был воином: привычка держать в руках меч и копье сделала его хватку твердой, а движения — выверенными. Кистью он владел ничуть не хуже.

На самом деле, в своей «первой» жизни он вряд ли часто пользовался кистью и тушью, но сейчас его не покидало странное чувство узнавания. Особенно здесь, в этой комнате, пропитанной ароматом старины, когда рядом был человек, создающий ту самую атмосферу «красные рукава, добавляют аромат».

Казалось, в каком-то ином, переплетенном пространстве и времени, эта сцена уже случалась когда-то прежде.

Се Сюань, глядя на выходящие из-под кисти знаки, изумленно расширил глаза.

Он был принцем с рождения. И хотя он не считал себя выдающимся ученым (ему ведь не нужно было сдавать экзамены на звание «чжуаньюаня»), он вырос в роскоши и видел немало шедевров. Он легко мог отличить посредственность от таланта. Почерк Гу Сыюаня был поистине выдающимся — он едва ли уступал работам прославленных каллиграфов из личной коллекции принца.

Он поднял голову и во все глаза уставился на генерала, будто видя его впервые.

— Быть всего лишь «чжунланом» императорской гвардии... это даже как-то несправедливо по отношению к вашим талантам, генерал Гу.

Гу Сыюань, не прерывая письма и не поднимая головы, небрежно отозвался:

— Мечта вашего покорного слуги — стать «жуцзяном», ученым генералом.

— Ха... — Се Сюань прыснул со смеху. Глядя на этого вечно холодного, как лед, человека, он никак не мог сопоставить его с образом утонченного полководца-ученого.

Немного подумав, он с любопытством спросил:

— Значит, генерал Гу мечтает вести войска на поле боя?

Рука Гу Сыюаня на мгновение замерла. Он поднял взгляд на Се Сюаня:

— Это зависит от того, какое решение примет Ваше Высочество в будущем.

Уголки губ Се Сюаня дрогнули, тонкие брови взлетели вверх, а в обычно лукавых глазах промелькнул холод:

— Похоже, генерал Гу принадлежит к «партии войны».

Гу Сыюань не отвел взгляда. Он смотрел прямо на принца, и голос его зазвучал сурово и звонко:

— Я не ищу войны, но и не отступлю. Кто бы ни посягнул на земли Великой Лян — как бы далеко он ни был, он будет уничтожен.

Великая Лян существовала уже четыре поколения. Со стороны она казалась процветающей империей, но это была лишь видимость. Когда-то основатель династии изгнал кочевников из степей, но за прошедшие семьдесят лет «люди на конях» восстановили свои силы. Ресурсов в степи мало, а степные народы по природе своей воинственны и дики.

В последние годы они то и дело тревожили границы и грабили торговые караваны. Однако за долгие годы мира и двор, и армия Великой Лян привыкли к покою и не желали ввязываться в войну, предпочитая на многое закрывать глаза.

Минувшей зимой наглость кочевников перешла все границы: за один набег они угнали в плен более шести тысяч мирных жителей. В итоге командующий заставой Яньмэньгуань был вынужден выменивать людей на продовольствие и оружие. В ходе тех событий тысячи мужчин были убиты, а женщины подверглись надругательствам.

Когда весть об этом дошла до столицы, император Цзяньчжао никак не отреагировал. Его мотивы были ясны: он был труслив и, будучи уже в летах, не желал конфликтов. Кочевники сейчас в силе и намеренно провоцируют Великую Лян; если начать войну и проиграть, это ляжет несмываемым пятном на его правление.

Помимо северных степных народов, не давали покоя и пираты-вокоу на юго-восточном побережье. Они были еще более дерзкими: жгли, убивали, грабили и даже вступали в сговор с местными чиновниками и гарнизонами. У Великой Лян не было опыта в морских сражениях, и долгие годы империя чаще проигрывала, чем побеждала. Лишь с появлением генерала Юй Чжияо ситуация начала меняться, но Юй Чжияо уже перевалило за пятьдесят — сколько еще он сможет продержаться?

Услышав эти гордые слова о защите границ, Се Сюань заметно вздрогнул. В его глазах, устремленных на Гу Сьюаня, вспыхнул непередаваемый блеск.

Спустя долгое время он протянул свою слабую руку и крепко сжал предплечье генерала:

— Я обещаю тебе: когда придет день и я займу то самое место, я сделаю это.

— Мм, — кивнул Гу Сьюань, чувствуя тепло его руки.

Больше они не проронили ни слова — всё было понятно без объяснений.

Наступила поздняя весна.

Дни стали яркими, погода — по-настоящему теплой, порой даже душной. Благодаря тому, что император Цзяньчжао недавно знатно приструнил сыновей, настроение его в последнее время было превосходным. Даже когда в зале собраний министры затевали споры, он лишь лениво поглядывал на них, прищурив глаза.

Однако сегодня он был заметно раздражен. После недавних чисток освободилось множество должностей, и теперь принцы снова сцепились в споре, пытаясь продвинуть своих людей. Самая ожесточенная борьба развернулась за пост командующего столичным гарнизоном.

Император не собирался потакать их амбициям. С таким трудом избавившись от прежнего

руководства, он хотел прибрать столичные войска к собственным рукам. Он колебался даже по поводу кандидатур от Се Хуаня.

Поэтому прямо на собрании он объявил:

— Я помню, что прежний командующий не продержался и двух лет, как начались проблемы. Посему я решил: отныне я буду лично курировать столичный гарнизон.

Министры погрузились в молчание. Столичный гарнизон — это безопасность столицы и самого императора. Если спорить с Сыном Неба сейчас, легко можно нарваться на обвинение в измене.

Однако, хоть император и взял командование на себя, у него была уйма государственных дел. Он не мог целыми днями пропадать в лагере, а значит, требовался человек на должность инспектора, который бы передавал приказы и следил за повседневной муштрой. И министры тут же принялись делить эту кость. Спор шел всё утро, но к согласию так и не пришли. Император Цзяньчжао тоже пребывал в раздумьях.

Уже сидя в паланкине по пути в покои, он продолжал размышлять. Подняв взгляд на сопровождавшего его Гу Сьюаня в боевых доспехах, он внезапно спросил:

— Сьюань, ты ведь человек военный. Как ты считаешь, кто из генералов наиболее строг в дисциплине и предан мне лично? Кто подошел бы на роль инспектора столичного гарнизона?

Внезапно оказавшись в центре обсуждения столь важного дела, Гу Сьюань ответил без тени смущения:

— Генерал Юй Чжияо, несомненно, самый строгий. Что же касается преданности... это вещь незримая и неосязаемая. Я не привык доверять посторонним.

Император Цзяньчжао усмехнулся:

— Верно сказано. Ты всё такой же прямолинейный, Сьюань.

И тут Гу Сьюань внезапно произнес:

— Однако, если Вашему Величеству на пост инспектора нужен лишь человек строгий и преданный, то, пожалуй, ваш покорный слуга мог бы занять это место.

— Ты... кто? — император Цзяньчжао, казалось, на мгновение лишился дара речи и переспросил еще раз.

—